

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

ИДЕОЛОГИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ГЕГЕМОНИИ США

Н.А. ГЕЙДАРОВ

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 Москва, Россия

В основе американской политики лежит понимание национального интереса силами, находящимися у власти в США. Американская политика опирается на различные концепции национального интереса в зависимости от характера отношений, складывающихся между США, Европейским Союзом и Россией.

При самом критическом отношении к американской политологии следует признать, что она представляет собой целую индустрию интеллектуального анализа и производства идей. Нигде в мире не ведутся столь интенсивные дебаты, не издается такое число научных журналов, не публикуется столько монографий, не проводится так много конференций и симпозиумов. Несмотря на то, что вся эта продукция имеет чисто академический характер, суммарно она способна мобилизовать политологический потенциал страны «на решение внешнеполитических задач, поиск оптимальных решений, на выработку наиболее оптимального внешнеполитического курса, направленного на установление мировой гегемонии США» [11. С.61-62]. При том, что эти усилия не избавляют американскую внешнюю политику от ошибок и просчетов, в запасе у американской администрации всегда в наличии альтернативные концептуальные подходы, дающие возможность исправлять ошибки, уйти от иллюзий. Кроме того, дискуссия позволяет уточнить потребности общества.

В основе американской политологии лежит понятие национального интереса. Разные поколения в различных внешнеполитических условиях по-своему воспринимают содержание этого интереса, но само его признание в качестве цели внешней политики обеспечивает сохранение целостности страны, защиту ее территории, помощь союзникам, предотвращение людских, материальных и моральных потерь, стремление к максимально свободному распоряжению своей национальной судьбой на благо нынешнего и грядущих поколений. «Постоянное столкновение политических идей, концепций, учений, подходов, интерпретаций, школ, направлений, – пишет известный политолог Дж. Паркер, – содействовало рациональным усилиям по подъему страны на вершину мирового могущества» [14. С.41].

В американской политологии разработана возможность различных схем развития мира: однополярный, биполярный или многополюсный мир; система баланса сил; система суверенных государств; мир нескольких цивилизаций; хаос. Популярность той или иной концепции объективно

зависит от характера отношений, складывающихся между Россией, США и Европейским союзом.

1. Вырвавшаяся в последние годы вперед школа либералов-интервенционистов базируется на либеральных ценностях при одновременном признании США лидером мировой политики, экономики и идейной сферы. Она является идейной наследницей основателя концепции политического реализма Г. Моргентау в интерпретации и изложении таких его радикальных последователей, как Р. Страус – Хьюе, Р. Осгуд, С. Поссоли, У. Кинтнер, Р. Такер, П. Нитце, Т. Финлеттер, У. Ростоу, Э. Лутвак, У. Лакер, Дж. Муравчик, Дж. Каган, Ч. Краутхаммер. На практике идеями этой школы руководствуются вице-президент США Р. Чейни, бывшие руководители Пентагона Д. Рамсфелд и П. Вулфовиц. Сегодня они выступают с идеями «гуманитарных интервенций».

Радикальный интервенционизм при анализе современных явлений требует от ведущих американских политологов концентрации общенациональных усилий в решении главной геополитической задачи – обеспечение американской мировой гегемонии на максимально долгий период времени без помощи, силами самой Америки. Теоретическими проводниками этого направления является группа правых политиков, перешедших в администрацию Дж. Буша-мл. от команды Р. Рейгана.

Эта школа наследует идеи тех представителей геополитической трактовки политического реализма, которые менее своих предшественников чувствительны к мнению международного сообщества и полагают, что страна в своем внешнеполитическом курсе защищает всемирные либеральные ценности и не зависит от не всегда стабильной помощи союзников. США должны не опасаться возможного соперника, а укреплять в мире идеологию, автоматически делающую Америку мировым лидером.

Как пишет Ф. Бергстен из Вашингтонского института либеральной политики, «Соединенные Штаты должны либо приспособиться к новым условиям, либо вести длительные арьергардные действия, все более дорогостоящие и бессмысленные – подобные тем, которые осуществляла Британия на протяжении десятилетий после того, как ее лидерство было поколеблено» [3. С. 20].

Исключительно важное положение рассматриваемой школы внешней политики заключается в признании релевантности, более того, необходимости сугубо односторонней политики – и в этом случае гигантский потенциал США избежит необратимого напряжения. Международный «американский шериф» может нести свою миссию и в одиночестве. Разумеется, это не значит, пишет Р. Хаас из Брукингского института, что Соединенные Штаты не должны привлекать для поддержки своей политики союзников и нейтралов, создавать широкую коалицию своих сторонников во всем мире, схожую с альянсом холодной войны [7]. Однако если такое коалиционное строительство осложнено, мощь Соединенных Штатов позволяет им идти собственным курсом, не оглядываясь на колеблющихся нынешних и потенциальных союзников.

Патриархами этой разновидности политического реализма являются Дж. Муравчик, Р. Каплан и др. Так, базируясь в Американском предпринимательском институте (Вашингтон), Р. Перл возглавляет Совет оборонной политики – совещательный орган при министре обороны США, пользующийся всемерной поддержкой главы Пентагона Р. Гейтса. У. Кристоал – издатель газеты «Уикли стандарт», органа неоконсервативной революции, авангарда откровенно имперского мышления. Столичная «Вашингтон пост» среди большого числа неоконсерваторов-поклонников У. Кристоала внутри администрации Буша-мл. называет заместителя государственного секретаря Дж. Болтона, зав. канцелярией вице-президента Л. Либби, нескольких спичрайтеров Белого дома [19]. Особенно активную роль играют такие неоконсерваторы, как У. Кристал и Дж. Муравчик, как один из ведущих деятелей Фонда Карнеги, и Р. Каган, говорящие о традиции либерального лидерства Америки со времен отцов-основателей и особенно после интернационализма президента Вудро Вильсона.

С приверженцами активной односторонности и имперского мышления о господстве Америки, предполагающего интенсивную политику практически на всех направлениях, спорят ныне сторонники многосторонности. С их точки зрения, самая большая крепость Америки – ее экономика, которую не стоит напрягать неразумным, расточительным образом. Приверженцы этой школы исходят из взглядов и либеральных ценностей таких журналистов, экспертов и ученых, как У. Липпман, Д. Перкинс, Т. Мюррей, В. Дин, Ч. Маршалл, У. Элиот, Дж. Болл, Т. Стенли, Д. Уитт, М. Каплан, Дж. Гевин. Они полагают, что уход США на периферию, перенесение центра приложения усилий на дальние страны отвлечет важные ресурсы, привяжет Америку к решению второстепенных задач, подорвет моральные и физические силы. Поэтому при выработке стратегии они предлагают отделить первостепенные угрозы (и задачи) от второстепенных. Классик американской политологии Дж. Кеннан критически рассматривает возможности для США осуществлять мировую гегемонию: «Перед нами в высшей степени нестабильный и неудовлетворенный мир – преисполненный противоречий, конфликтов и насилия. Все это бросает нам такой вызов, к которому мы не готовы».

Подобных воззрений придерживаются Р. Роузкранц, М. Кеплен, А. Раппопорт, Дж. Стоссингер. В последние годы они довольно открыто выступают против макиавеллизма в международных отношениях, против дарвинистского наследия политического реализма, делающего упор на силу, безотносительно к тому, куда она направлена. Либеральные интернационалисты считают, что Америка морально обязана взять на себя ответственность за мировой порядок. Как страна, более других заинтересованная в сохранении статус-кво, Америка всегда выиграет от введения и укрепления единых правил игры, общих сдерживающих механизмов. Успешное международное сотрудничество по правилам могло бы, с их точки зрения, обеспечить долговременность особого положения Америки в мире. Осевая идея этой школы – заставить официальный

Вашингтон отказаться от бряцания оружием, от откровенно силового стиля в международных отношениях. Мир огромного числа суверенных независимых государств не потерпит в эпоху информационной открытости и торжества принципов самоуважения высокомерного поведения одной державы, даже чрезвычайно мощной и влиятельной. Такие известные историки как П. Кеннеди предостерегают против имперского перенапряжения [8].

2. Гегемонистский реализм. Исторические истоки этого направления исходят от более чем столетней давности «универсализма» Теодора Рузвельта, который считал, что необходимо «говорить мягко, неся большую дубину». Р. Каган и другие сторонники гегемонизма предполагают размахивать большой дубиной, выступая за так называемый «вооруженный либерализм», за сохранение мирового геополитического и морального международного порядка под контролем Соединенных Штатов [17. С.41].

Суть подхода весьма влиятельной группы американских теоретиков (У. Кристал, Р. Каган, Р. Такер и др.), проповедующих гегемонистский реализм, заключается в том, что «глобальная гегемония» США должна основываться на растущем военном бюджете, на целенаправленной дипломатической деятельности, поддерживающей союзников и наказывающей (потенциальных) противников. Так, Р. Такер утверждает, что «гегемонистская мощь Америки определяет ее особую ответственность за мировой порядок, который может быть установлен только посредством инструментов американского могущества» [20. С.19].

Консервативный «Уикли стандарт» в этом смысле прямо заявляет, что внешняя политика Вашингтона должна иметь «три основы – военную мощь, высокую мораль и ответственность... Энергичная внешняя политика, не исключаящая вторжений за пределами страны и интервенции, породит уверенность в силе нашей воли, будет способствовать поддержке наших усилий внутри страны и за ее пределами» [18. С.75].

В свете этого:

– США должны открыто стремиться к гегемонии, и если в мире не будет господствовать Америка, то центр мирового могущества окажется не в Вашингтоне, а в другой столице. Америка должна управлять миром, чем некто другой в этом мире будет управлять Америкой;

– международная система, склонная к хаосу, нуждается в контроле; США сегодня – единственная держава, способная осуществлять этот контроль, альтернатива – анархия;

– США обязаны перед своим народом и историей не допустить появления любого претендента на мировое лидерство, лишить этих претендентов средств достижения гегемонии, ослабить их силовой потенциал.

В данном контексте официальный Вашингтон сохраняет военные базы в 35 странах – прежде всего в Германии и Японии, а с 1997 г. начал увеличивать американский военный бюджет с низшей точки в 270 млрд. долл. до почти 500 млрд. долл. в 2007 финансовом году [13. С.13].

Стратегия Пентагона ставит в новом тысячелетии перед Соединенными Штатами геополитическую цель: «Сохранить способность победить быстро и самым убедительным образом в ряде происходящих синхронно операций, или, другими словами, обеспечить доминирование по всему спектру» [6].

В начале третьего тысячелетия американская военно-политическая и академическая элиты выдвигают перед собой задачу «достичь такого уровня абсолютного доминирования, когда Соединенные Штаты превзойдут всех противников уже одним лишь внушением ужаса перед американской мощью и овладеют могуществом, не виданным еще в истории человечества» [2. С.12].

В аналитической мысли сторонников гегемонистского реализма пентагоновские взгляды на роль США в новом тысячелетии рассматриваются как политическая платформа внешнего курса США. Так, идеолог республиканской администрации Дж. Буша-мл. нынешний госсекретарь США К. Райс на рубеже тысячелетий следующим образом сформулировала гегемонистскую философию США в современном мире:

- обеспечить Америке способность военными средствами предотвратить любой силовой конфликт, сделать американскую мощь готовой сражаться за свои интересы в том случае, если сдерживание не сработает;

- гарантировать прочные и тесные взаимоотношения с союзниками, которые разделяют американские ценности и готовы разделить экономическое бремя в достижении этих ценностей;

- сконцентрировать американскую политику на достижении выгодных всеобъемлющих отношений с крупными глобальными силами, особенно с Россией и Китаем, которые могут участвовать в определении характера будущего мирового политического баланса;

- решительно противодействовать государствам-париям и враждебным странам, представляющим растущую угрозу с точки зрения терроризма и овладения оружием массового поражения» [16. С.47]. К. Райс полагает, что «военная готовность займет в будущем центральное место».

Завладевшие в 2001 г. Белым домом республиканцы поставили во главу угла именно эти идейные принципы, ставшие наиболее актуальными после террористического нападения на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. Республиканцы Р. Каган и У. Кристол выразили эту мысль в самом влиятельном американском внешнеполитическом журнале «Форин Аффферс» предельно четко: «Целью американской внешней политики является сохранение гегемонии так долго в будущем, насколько это возможно» [10. С.2].

3. Умеренный реализм. Представители американской политической элиты, причисляющие себя к реалистам, не принимают фактические призывы править миром в условиях единовластной мировой гегемонии США. Неприкрытые мировые претензии Вашингтона вызывают у них негативную реакцию и раздражение. Такие известные деятели, как У. Перри, Дж. Най,

А. Картер и др. из стана демократов считают, что цель военных усилий США не мировая гегемония, а, во-первых, – защита Североамериканского континента и, во-вторых, Североатлантического региона. Кстати, схожей позиции придерживаются и «жесткие» республиканцы: Р. Чейни, Д. Рамсфелд и П. Вулфовиц. Группа теоретиков и политиков из лагеря умеренных реалистов выделяют три типа первостепенных угроз (и задач безопасности Соединенных Штатов:

– непосредственно угрозы американскому будущему. В этом смысле речь может идти о невиданном подъеме Китая, о возрождении величия России, о распространении оружия массового уничтожения в направлении государств-париев;

– региональные войны, прежде всего в Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии – от Ирака до Северной Кореи;

– важные международные проблемы, не затрагивающие собственно американских интересов (конфликты типа афганского, косовского; Босния, Руанда, Сомали, Гаити, Сьерра-Леоне).

Умеренные реалисты не верят в принятие мировым сообществом общих ценностей, гуманитарных идеалов и т. д., считая, что в мире будущего по-прежнему будет превалировать стремление к безопасности. Мир будет оставаться ареной внутренних конфликтов, споров, столкновения взаимоисключающих курсов. В этой ситуации национальным интересам Америки отвечает отведение первого типа угроз, а не концентрирование на конфликтах третьей категории с ослаблением интереса к проблемам будущего США.

Умеренные реалисты призывают поддерживать применение американской военной силы в Персидском заливе (необходимость США в стратегическом сырье), а не в ходе конфликтов третьей категории. Они полагают необходимым придерживаться мер невоенного характера в урегулировании спорных международных проблем; делать акцент на экономическую помощь, развитие торговли, открытие американского рынка, что потенциально эффективнее, чем прямое силовое воздействие.

Умеренные реалисты признают ошибочность сугубо односторонней политики США, считая, что она лишь истощает потенциал Америки. Они считают необходимым отстаивать собственные ценности, что позволит Соединенным Штатам сохранить и внутренние силы, и главенствующее положение в мире. «Если придерживаться взглядов школы «реалполитик», – пишет Э. Эбрамс, – просто невероятно представить себе будущее, в котором своими мощными дипломатическими усилиями Америка не смогла бы собрать силы в поддержку действий, которые она считает необходимыми для себя. Более того, наше военное доминирование делает любую международную интервенцию, осуществляемую вопреки нам, очень трудной и даже практически невозможной» [1. С.75].

Влиятельная школа умеренных реалистов имеет старые традиции, и ее знаковое значение в будущем скорее всего будет заметно возрастать.

4. Гегемонистский либерализм. Либералы этого направления не желают ассоциировать себя с теориями жесткого реализма и силового удержания мировой гегемонии США. Но гегемонистские либералы признают, что мир далек от совершенства, что США встречаются с новыми вызовами и угрозами и, обладая грандиозной американской мощью, следует высоко держать знамя либеральных принципов и отбивать нападки на них безответственных режимов.

Представители этой школы утверждают, что Америка сильна как никогда, она расходует на военные нужды на 20% больше всех своих европейских и азиатских партнеров и союзников, вместе взятых. В этих условиях Америка должна держать в узде непокорных и дисциплинировать несогласных, иначе упадет ее авторитет.

Либералы данного направления верят в способность Америки сохранить бремя лидерства на фоне сложных реалий современной жизни без открытого насилия, так как никто не может бросить вызов ее могуществу. Китай нуждается в серьезной военной модернизации, имея устаревшую боевую технику 70–80-х гг. прошлого века. Ослабевшая после распада СССР Россия перестала быть сверхдержавой. Совокупный военный бюджет враждебных США КНДР, Ирана, Сирии, Кубы не составляет и 2% американского, их экономика в руинах.

Издатель влиятельного журнала «Ньюсуик» М. Элиот отмечает: «Прежнее определение национального интереса не указывает на то, за что стоило бы сражаться сейчас по той причине, что в современном мире не существует подлинной угрозы развитым демократиям. Какие бы войны ни вела Америка в XXI веке, можно с определенностью сказать, что ни одна из них не будет напоминать Вторую мировую войну. Но многие грядущие войны будут напоминать косовский конфликт» [12. С.15].

Заместитель главного редактора журнала «Уорлд полиси джорнэл» Д. Риефф предлагает использовать военное превосходство Америки не для силового утверждения гегемонии (отрицательно воспринимаемой Китаем, Россией, Японией, Германией), а для установления стабильности в нецивилизованных странах (Руанда, Сомали, Сьерра-Леоне). Он также предлагает показать пример гуманного поведения, более цивилизованного морального стандарта и «остановить злоупотребление силой».

Сторонники этого подхода считают возможным нарушать «устаревшие принципы ООН» в интересах действенного гуманизма и торжества мирового порядка. И Америка XXI века будет проводником этих идей, и силой, если понадобится.

Школа гегемонистского либерализма пользуется значительным влиянием среди американских либералов, влиятельных политиков и дипломатов, в среде политологов, журналистов, международной бизнес-элиты, стремящихся избежать выхода Америки на агрессивный курс в мировой политике.

Впервые после 1823 г., когда была провозглашена «доктрина Монро» «*Rex Americana*» («Мир по-американски»), на рубеже тысячелетий мировым

феноменом стала Американская империя – система международных отношений, характерная прежде всего тем, что основные решения, касающиеся судеб человечества, принимаются в Вашингтоне. Распад Советского Союза определил понятие гегемонии в мировых делах Соединенных Штатов. «Исчезновение советской сверхдержавы, – пишет английский политолог А. Ливен, – позволило США установить глобальное доминирование, не имеющее параллелей в мировой истории» [9. С.245-246]. У Америки появились беспрецедентные инструменты воздействия на мир, в котором ей уже не противостоял коммунистический мир. Преобладание американского могущества – и особенно военной мощи США, утверждает историк из Йельского университета П. Кеннеди, «определяет будущие международные отношения», и «момент однополярности» превратился в десятилетия однополярности, которое продлится очень долго [5. С.87].

Вместе с Бушем-мл. к власти пришла команда политиков, считающих, что Соединенные Штаты получили твердый шанс надолго закрепить свое лидерство в мире и обеспечить все условия для развития США на американских условиях. По мнению многих членов нового кабинета, даже трагические события 11 сентября 2001 г. «открыли возможности перестроить мир по-американски» [15. С.118]. Они уверовали в то, что «даже в условиях совокупной мощи потенциальных конкурентов современную американскую империю не с чем сравнивать». «Никогда еще в мировой истории, – считают политологи С. Брукс и У. Вулворс, – не существовало такой системы суверенных государств, в которой одно государство владело бы столь неоспоримым превосходством» [4. С.26].

Вашингтон стремится включить другие страны в систему ориентации на формируемую им политику глобального превосходства с тем, чтобы они были не в состоянии бросить вызов не устраивающему их состоянию международных отношений. Американские теоретики ориентируются на взаимосвязь между демократической формой правления и стабильным порядком, основанным на гегемонии. Поэтому США в последнее время усиленно экспортируют демократию – и особенно после окончания холодной войны. Получил приоритет силовой фактор, ставший рычагом демократических преобразований. Комбинация экспансии американского геополитического влияния, поддержка военных интервенций и в высшей степени селективное продвижение американской демократии сделали Соединенные Штаты исключительно грозным неприятелем любого государства, в котором они готовы увидеть противника. «Франция владела семнадцатым столетием, Британия – девятнадцатым, а Америка – двадцатым. И будет владеть и двадцать первым веком», – пишет гл. редактор влиятельного журнала «Ю.С. ньюс энд Уорлд рипорт» М. Закерман» [21. С.31].

Идеологи гегемонии не выдерживают критики однополярности и мирового гегемона, считая, что мир одной нации приносил не только беды, но и порядок, сдерживание разрушительных сил. Они считают, что в

реальном мире нации защищают прежде всего свои собственные интересы, ставят свои национальные интересы выше «коллективных» интересов.

В свое время Г. Киссинджер в своей знаменитой книге «Дипломатия» теоретически разделил все возможные миросистемы до трех: хаос, баланс сил и пирамида главенства одной сверхдержавы. Мы вступили, заявляет патриарх американской дипломатии, в этот «пирамидальный» мир, в мир Американской империи.

Что касается российской реакции на сверхдержавность США, то новая демократическая Россия считает, что общая тенденция эволюции российско-американских отношений прежде всего требует избавления от вражды и питавшей ее идеологии холодной войны. Между США и Россией сохраняется унаследованная из прошлого взаимосвязь в форме нашей общей ответственности за поддержание стратегической стабильности. Но уже очевидно, что багажа прошлого недостаточно для строительства современных, устойчивых и устремленных в будущее отношений.

Эта философия лежит в основе неконфронтационности внешней политики России. Россия более не противник с США, а значит, не может быть никаких оснований для новой холодной войны. Нормализация наших отношений, то есть их возвращение к нормальности, возможно только на основе равноправия, учета интересов друг друга, взаимной выгоды, отказа от идеологии и мессианства как внешнеполитических инструментов.

Что двум державам грозит, так это раздельное существование российского и американского факторов в мировой политике. Это не отвечало бы ни интересам наших стран, ни интересам всего мирового сообщества. Как показала июльская встреча (2007г.) В. Путина и Дж. Буша-мл. в Кеннебанкпорте, у нас нет системных противоречий. И в этом залог того, что российско-американские отношения имеют будущее. С окончанием холодной войны у наших стран, наконец, появилась возможность не только сконцентрироваться на решении наиболее насущных проблем современности, но и делать это сообща.

Многих не покидает ощущение, что наши страны, да и другие занимались в прошлом не тем, чем следовало бы. В жертву идеологическим постулатам приносились реальные проблемы (такие, как глобальная бедность), которые не решались, а загонялись вглубь. Теперь, обращаясь к ним, необходимо ставить реалистичные, достижимые задачи, просчитывать все наши совместные действия, мыслить долгосрочными категориями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Abrams E. To Fight the Good Fight // *The National Interest*. - Spring 2000.
2. Vacevich A. Policing Utopia. The Military Imperatives of Globalisation // *National Interest*. - Summer 1999.
3. Bergsten C.F. America and Europe: Clash of the Titans? // *Foreign Affairs*. - March/April 2002.

4. Brooks S. and Wohlworth W. American Primacy in Perspective // Foreign Affairs. - July/August 2002.
5. Donnelly Th. The Past as Prologue: An Imperial Manual \ Foreign Affairs. - July/August 2002.
6. General Graves B. Erskine. Distinguished Lecture, Marine base at Quantico, VA February 23, 2000.
7. Haas R. The Reluctant sheriff. - N.Y.: Council on Foreign Relations, 1997.
8. Kennedy P. Rise and Fall of the Great Powers. - N.Y., 1987.
9. Lieven A. The Secret Policeman's Ball: the United States, Russia and the international order after 11 September // International Affairs. - v. 78, 2, 2002.
10. Mallaby S. The Reluctant Imperialist. Terrorism, failed States, and the Case for American Empire // Foreign Affairs. - March/April 2002.
11. Mandelbaum M. The Inadequacy of American Power // Foreign Affairs. - September/October 2002.
12. Maynes Ch. W. U.S. Role in the world // «Great Decisions 2000». - Wash., 2001.
13. Maynes Ch. W. U.S. Role in the world: what are the choices? // «Great Decisions 2000». - Wash., 2001.
14. Parker J. Two new presidents (In: The World in 2000). - London: The Economist Publication, 2001.
15. Patrick S. More Power to You: Strategic Restraint, Democracy Promotion, and American Primacy // International Studies Review. - Spring 2004.
16. Rice C. Promoting the National Interest // Foreign Affairs. - Jan/Feb. 2000.
17. Santis De H. Mutualism. An American Strategy for the Next Century // World Policy Journal. - Winter 1998/99.
18. The National Interest. - Spring 2005.
19. The Washington Post. - 19 March 2005.
20. Tucker R. Alone or With Others. The Temptations of Post-Cold War Power // Foreign Affairs. - November/December 2004.
21. Zuckerman M.A. Second American Century // Foreign Affairs. - May/June 2003).

IDEOLOGY OF THE GLOBAL HEGEMONY OF THE USA

N.A. GEIDAROV

Peoples' Friendship University of Russia
10a Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russia

The US policy is based on the realization of the country's national interests by the forces in power. American policy is based on various concepts of national interest, depending on the character of the relations between the United States, the European Union and Russia.